

*Е. А. Власова**

ТРАДИЦИИ РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В РОМАНЕ «ЭМИГРАНТЫ» А. ТОЛСТОГО И ПОВЕСТИ С. ДОВЛАТОВА «ИНОСТРАНКА»

Предметом статьи являются интертекстуальные связи романа повести А. Н. Толстого «Эмигранты» и повести «Иностранка» С. Д. Довлатова. Фокус работы формирует стремление обнаружить перекрестные связи между двумя известными произведениями, описывающими жизнь русских эмигрантов в разные периоды истории. В статье используется сравнительный и интертекстуальный методы.

Ключевые слова: третья волна русской эмиграции, первая волна русской эмиграции, «Эмигранты» А. Толстой, «Иностранка» С. Довлатова, интертекстуальность.

E. A. Vlasova

*TRADITIONS OF RUSSIAN CLASSICAL LITERATURE IN THE NOVEL "EMIGRANTS"
BY A. TOLSTOY AND S. DOVLATOV'S NOVELLA "THE FOREIGNER"*

The subject of the article is the intertextual connections of the novel of the story by A. N. Tolstoy "Emigrants" and the story "The Foreigner" by S. Dovlatov. At the same time, the focus of the work is also aimed at detecting cross-links between two well-known works describing the life of Russian emigrants in different periods of history. The article uses comparative and intertextual methods.

Keywords: Russian emigration third wave, the first wave of Russian emigration, "Emigrants" by A. Tolstoy, "Inostranka" by S. Dovlatov, intertextuality.

Роман-повесть «Эмигранты» А. Толстого и повесть «Иностранка» С. Довлатова появились на завершающем этапе творчества обоих писателей. Так, произведение Алексея Толстого было напечатано в журнале «Новый мир» в 1931 году, когда прозаик был уже «состоявшимся» советским автором. Важно

* Власова Елизавета Алексеевна — докторант, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского; kealis@gmail.com

отметить, что название повести используется авторами комментариев к сборнику повестей и рассказов «Эмигранты» — М. Алпатовым и Ю. Крестинским [5, с. 550]. Довлатов же опубликовал повесть «Иностранка» в 1985 году за пять лет до смерти и, как отмечает А. Арьев, неслучайно в качестве своеобразного итога своей американской жизни избрал жизнеописание не американцев в Америке, а русских эмигрантов. Повесть «Иностранка» получила неоднозначную оценку критиков в момент своего появления [2] и до сих пор уступает по количеству посвящённых ей публикаций от таких произведений Довлатова, как: «Заповедник» [4] или «Зона» [4].

Основными элементами сходства между двумя столь разными произведениями на самом внешнем (поверхностном) уровне следует назвать избранную тематику — жизнь русских эмигрантов. А. Толтой сразу же названием «Эмигранты» предопределяет, что речь будет идти о людях, покинувших Родину и оказавшихся чужими в принимающей их стороне. В избранном векторе отчуждения С. Довлатов идёт дальше: называя главную героиню и всё произведение «Иностранка», писатель даёт понять, что героиня так и не смогла стать своей во вновь обрётённом ею пристанище — Америке.

На этих формальных элементах — содержание и авторская интенциональность при выборе заголовка — сходство между произведениями Толстого и Довлатова не заканчивается. Важной особенностью повествования обоих писателей становится субъектную авторскую интенциональность, в том числе при выборе заглавия.

Оба произведения обнаруживают и максимальную ориентацию нарративных стратегий на достоверность изображаемых событий. Так, уже в эпиграфе А. Толстой недвусмысленно указывает: «Факты этой повести исторически подлинны, вплоть до имен участников стокгольмских убийств. Профессор Стокгольмского университета сообщил мне подробности этого забытого дела. Остальные персонажи и сцены взяты по возможности документально из материалов, из устных рассказов и личных наблюдений. В первой редакции эта повесть называлась «Черное золото» [5, с. 5]. Среди героев «Эмигрантов» изобилуют реальные исторические персонажи. Это и эпизодически появляющийся генерал Юденич, и чётко прорисованные нефтяные магнаты Тапа Чермоев и Леон Манташев. В галереи исторических персонажей, упомянутых А. Толстым, уделяется особое внимание известным эмигрантам-кадетам, показанных в сатирическом свете, с бесконечным теоретизированием о судьбах Родины — например, бывший министр просвещения Кедрин. Довлатов также населяет пространство «Иностранки» узнаваемыми фигурами, правда, под вымышленными фамилиями, но такими, которые вбирают в себя аллюзийные отсылки. Например, под маской христианского деятеля Лемкус писатель выводит известного в эмигрантских кругах М. З. Моргулиса (1941–2021). Особый «постмодернистский» оттенок заявленной псевдодоментальности получает герой по фамилии *Довлатов* — однофамилец автора повести «Иностранка», также занимающийся писательским трудом.

Разница в степени достоверности двух произведений продиктована жизненными обстоятельствами написания толстовского и довлатовского текста

об эмигрантском быте. Если А. Толстой изображал своих героев, будучи вдалеке от них, находясь в Советском Союзе, то есть уже вернувшись из эмиграции, то Довлатов вынужден был соблюдать определённую осторожность, поскольку сам являлся частью эмигрантского сообщества.

Важной составляющей двух произведений является их жанровая номинация — оба писателя создают повести.

В названных повестях существенной чертой оказывается привнесение газетного дискурса в нарратив и в целом в повествовательный дискурс (подробно о переключении в «Иностранке» Довлатова с газетно-публицистического, идеологического регистра на бытовую см. статью Е. Н. Бобыкиной [1]). В повести А. Толстого многие фразы целиком копируют хлесткие заголовки эмигрантских газет. Так появляется черновик газетной заметки шведского журналиста К. Бистрема: «Русская революция одним взмахом зачеркивает прочное буржуазное хозяйство» [5, с. 67]. У С. Довлатова своеобразным рефреном повести и особенно ее финала служит перечисление сводки новостей: «В Польше разгромили «Солидарность». В Южной Африке был съеден шведский дипломат Иен Торнхольм. На Филиппинах кто-то застрелил руководителя партийной оппозиции. Под Мелитополем разбился ТУ-129. Мужа Джеральдин Ферраро обвинили в жульничестве» [3, с. 239], Газетный стиль повествования имеет двоякую функцию, с одной стороны, с его помощью поддерживается ориентация на достоверность изображаемых в повестях событий, с другой — в нём можно услышать отголосок авантюрного романа, основы которого были заложены Вс. Ивановым и В. Шкловским в романе «Иприт». Несомненно и то, что другая важнейшая функция газетных элементов в канве повествования связана с привлечением читательского внимания, создания каркаса эпического характера разворачиваемых событий.

Отсылки к авантюрному роману 1920-х годов не исчерпываются в произведениях А. Толстого и С. Довлатова использованием газетного стиля и заголовков. В каждой из повестей герои проходят череду испытаний, одним из главных из них становится испытание любовью В конце «Эмигрантов» и в «Иностранке» герои женятся — Нальмов делает предложение княжне Чувашевой, Маруся Татарович выходит замуж за латиноамериканца Рафаэля. Но мнимая эфемерность «хеппи энда» — именно так называется одна из последних подглавок в «Иностранке» — чётко прослеживается за внешним благополучием финала повестей.

Важнейшей связующей основой повестей А. Толстого и С. Довлатова помимо выше упомянутой отсылки к авантюрному роману, ориентации на достоверность, сходству авторской интенциональности (в т. ч. при выборе заголовка произведения) оказывается связь с русской литературой, интертекстуальность обоих произведений. Так, издатель Фима Друкер показывает Марусе «десяток редких книг с автографами Георгия Иванова, Набокова, Ходасевича» и преподносит «ей злополучного «Фейхтвагнера»» [3, с. 235]. После перечисления имён известных писателей первой волны русской эмиграции эпитет в отношении Фейхтвагнера — «злополучный» — становится особенно символическим. Среди исторических фигур в повести Толстого читатель встречает точный и нелицеприятный портрет дипломата Константина Дми-

триевича Набокова — дяди известного писателя В. Набокова. Великий князь в изображении А. Толстого подчёркнуто равнодушен к судьбе Отечества, видит в России варварство и проявляет ярко выраженное англофильство. Однако ориентация Довлатова на наследие эмигрантов-литераторов первой волны отчасти (в поле художественного произведения) осознается как непрерывность традиции русской литературы.

В ироническом ключе писатель-герой Довлатов упоминает имена известных русских писателей — Ф. Достоевского, А. Чехова и Н. Гоголя, отмечая, таким образом, ещё один интертекстуальный пласт своего повествования: «рецензенты мною восхищались, называли советским Керуаком, упоминая попутно Достоевского, Чехова, Гоголя» [3, с. 200]. И если фамилия Керуака введена явно с саркастической целью, показать, что для американского читателя первоочередной является собственная литературная традиция, то упоминание известных русских писателей призвано показать связь произведения с классической отечественной традицией. Упоминание Н. Гоголя оказывается неслучайным, так как автор помещает в фокус наррации «Иностранки» простых людей, мечтающих, подобно Акакию Акакиевичу, о «мутоновой шубе» [2, с. 234]. Связь с А. Чеховым была отмечена рядом критиков, называвших «Иностранку» чеховским водевилем [1, с. 528]. В «Эмигрантах» отсылка к известной чеховской пьесе «Три сестры» звучит по-особому трагично, так как перекликается с судьбами Мари, Лили и Веры, которые, в отличие от чеховских сестёр, были безжалостно растоптаны трагическими событиями истории.

Наиболее точно прослеживается в образах главных женских персонажей двух повестей — княгини Чувашевой у А. Толстого и Маруси Татарович у С. Довлатова — связь с известной героиней романа «Идиот» Настасьей Филипповной. Довлатов недвусмысленно называет свою героиню «погибшей». Толстой почти дословно воспроизводит сцену первого знакомства Рогожина с Настасьей Филипповной при описании влюблённости Леви Левицкого в Веру Юрьевну.

Рассмотрение интертекстуального поля повести «Иностранка» С. Довлатова и «Эмигрантов» А. Толстого обнаруживает значительное количество взаимопересекающихся линий в описании мира эмигрантов первой (А. Толстой) и третьей волны (С. Довлатов). Общим интертекстуальным фундаментом для произведений выступают известные произведения русской литературы, в том числе произведения Ф. Достоевского, А. Чехова. Внешнее формальное сходство с авантюрным романом 1920-х годов с ярко выраженным газетным стилем наррации продолжает линию русской классической литературы, всегда остававшейся прочным затекстом всей эмигрантской прозы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобыкина Е. Н. Интердискурсивность как композиционно-стилевая доминанта повести С. Довлатова «Иностранка» // Вестник Марийского государственного университета. — Т. 14. — 2022. — С. 528–531.

2. Генис А. Довлатов и окрестности: филологический роман. — М.: Вагриус, 1999. — 302 с.
3. Довлатов С. Собрание сочинений: в 4 т. / Сост. А. Арьев. — СПб.: Азбука-классика, 2005. — Т. 3. — 544 с.
4. Сухих И. Н. Сергей Довлатов: время, место, судьба. — СПб.: Культ-информ-пресс, 1996. — 384 с.
5. Толстой А. Н. Эмигранты. Повести. Рассказы. — М.: Правда, 1981. — 551 с.